

Защита от насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Дело частное или публичное?

Статья 1. Криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и административно-правовой аспекты единой социально-культурной проблемы насилия в семье, быту, трудовом, воинском коллективе

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

nikita_kolokolov@mail.ru

Реферат

Введение: вопрос о границах публичного вмешательства в частные конфликты, особенно на фоне декриминализации побоев и развития института административной преюдиции, является дискуссионным. Автор поднимает важные проблемы правовой квалификации, судебной практики и социальных установок. *Цель:* получение нового знания о социально-правовом феномене – насилии, не опасном для жизни и здоровья потерпевшего, в семье, быту, трудовом, воинском коллективе, уточнение понятийно-категориального аппарата. Сложный характер цели предполагает необходимость постановки комплекса *задач*, в иерархии которых важнейшими являются вопросы: 1) все ли разновидности анализируемого насилия – преступление? 2) борьба с данным насилием – дело частное или публичное? В рамках углубленного познания социально-правовой действительности изучаются: 1) криминологический, 2) уголовно-правовой, 3) уголовно-процессуальный, 4) административно-правовой; 5) социально-культурный, 6) философский и иные аспекты насилия. *Основные методы* исследования: исторический, сравнительно-правовой, статистический, эмпирический, включающий получение верифицированной информации методом включенного наблюдения автора. *Выводы:* во-первых, изучаемые проблемы насилия как в психологии, так и в юридической науке исследованы поверхностно, фрагментарно; во-вторых, и криминология, и законодатель не спешат с честным и однозначным ответом на вопрос: побои – это преступление или нет? В-третьих, общество не желает мириться с запретом на физическое принуждение предикатного насильника к миру. Автором предпринята попытка систематизации сложной и противоречивой практики, предлагается оригинальный междисциплинарный взгляд на проблему через призму философии, психологии и культурологии. Сформулированные выводы носят проблемный характер и стимулируют дальнейшую научную дискуссию.

Ключевые слова: дела частного обвинения; ст. 115, 116, 116.1 УК РФ; ст. 6.1.1 КоАП РФ; предикатный потерпевший; предикатный насильник; системное толкование УК РФ и КоАП РФ; постулаты морально-нравственного характера.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Колоколов Н. А. Защита от насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Дело частное или публичное? Статья 1. Криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и административно-правовой аспекты единой социально-культурной проблемы насилия в семье, быту, трудовом, воинском коллективе // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 78–90. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.010.

Protection from Violence not Dangerous to the Life and Health of a Victim. Is the Case Private or Public? Article 1. Criminological, Criminal Law, Criminal Procedure, and Administrative Aspects of the Unified Socio-Cultural Problem of Violence in the Family, Household, Labor, and Military Community

NIKITA A. KOLOKOLOV

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract

Introduction: the issue of the limits of public intervention in private conflicts, especially against the background of decriminalization of beatings and development of the institution of administrative prejudice, is debatable. The author raises important issues of legal qualification, judicial practice and social attitudes. The *purpose* of the study is to determine a socio-legal phenomenon of violence that is not dangerous to the life and health of the victim in the family, household, labor, and military collective, clarifying the conceptual and categorical apparatus. In the framework of a complex purpose of the study, it is required to determine whether all the types of violence are a crime and whether the fight against this violence is a private or public matter? As part of in-depth cognition of socio-legal reality, criminological, criminal law, criminal procedure, administrative law, socio-cultural, philosophical and other aspects of violence are considered. *Methods:* historical, comparative-legal, statistical, empirical, and included observation. *Conclusions:* first, the problems of violence studied in both psychology and law are studied superficially, fragmentally; second, both criminology and the legislator do not clarify, whether beating is a crime or not? Third, the society does not want to put up with a ban on the physical coercion of a predicate rapist to peace. The author attempts to systematize a complex and controversial practice and offers an original interdisciplinary view of the problem through the prism of philosophy, psychology, and cultural studies. The formulated conclusions are problematic and stimulate further scientific discussion.

Keywords: private prosecution cases; articles 115, 116, 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; Article 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation; predicate victim; predicate rapist; systemic interpretation of the Criminal Code of the Russian Federation and the Administrative Code of the Russian Federation; moral and moral postulates.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Kolokolov N.A. Protection from violence not dangerous to the life and health of a victim. Is the case private or public? Article 1. Criminological, criminal law, criminal procedure, and administrative aspects of the unified socio-cultural problem of violence in the family, household, labor, and military community. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 78–90. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.010.

Введение

Вниманию читателей предлагается серия статей, посвященных анализу проблем, возникновение которых обусловлено проявлением не опасного для жизни и здоровья потерпевшего насилия в семье, быту, трудовых и воинских коллективах. Вышеперечисленные виды насилия нами квалифицируются как социально-правовой феномен. Последовательно будут подвергнуты анализу криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, административно-правовой, социально-культурный, философский и иные аспекты проблемы. Отдельно автор планирует остановиться на таком негативном

явлении, как «казарменное хулиганство» (ст. 335 УК РФ) или неуставные отношения, которые в одной из статей будет проанализированы через призму конкретных судебных решений. В завершение в деталях будет рассмотрена рядовая обоюдная «драка» в женском коллективе, печальные последствия поспешного взаимного обвинения, негативные социальные и уголовно-правовые результаты конфликта.

Особое значение автором уделяется социально-правовым последствиям медиального поворота (фазового перехода) в определении значимости такого деяния, как побои, который в рамках общей декриминализации был осуществлен законодателем 3 июня 2016 г.

В рамках российской действительности анализируемое насилие воспринимается как единое целое, в то время как в большинстве стран общий объем насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевших, принято делить по гендерному (половому) или возрастному признакам.

Эмпирической базой исследования является личный опыт автора (включенное наблюдение), приобретенный, во-первых, за годы службы в системе МВД МССР (Кишинев, 1983–1991 гг.), в рамках исследования пусть и по правилам публичного обвинения «малозначительных» уголовных дел (здесь и далее употребим современную российскую классификацию) о причинении легкого вреда здоровью и побоях (в том числе и по обвинению в истязании), возбужденных по результатам как чисто семейных, так и разнообразных бытовых и производственных конфликтов.

Аналогичный опыт нами также был получен в рамках рассмотрения по существу преимущественно дел частного обвинения (в основном по ст. 112 УК РСФСР) в 1983–1991 гг. в период службы судьей в Промышленном районном суде г. Курска.

В последующие годы во время работы в Курском областном суде (1997–2002 гг.), Верховном Суде Российской Федерации (2002–2007 гг.), а также в рамках интенсивной научной деятельности автором непрерывно осуществлялся мониторинг текущего этапа эволюции института дел частного обвинения о причинении легкого вреда здоровью, побоях и истязании.

Некоторые результаты наших научных исследований по темам семейного насилия, насилия в учебных, производственных и воинских коллективах, stalking, буллинга, дел частного обвинения были замечены. В частности, в 2018 г. автор был специально приглашен в качестве ведущего эксперта для участия в расширенном научно-практическом семинаре по теме «Домашнее насилие» в ГУВД Ростовской области. По результатам данного мероприятия опубликована научно-популярная статья «От ревности до stalking» [1].

В 2000–2025 гг. автор неоднократно приглашался в качестве официального оппонента на защиту диссертаций по общей теме «Дела частного обвинения». Некоторые из наших отзывов опубликованы в форме научных статей [2]. Особо следует подчеркнуть, что данные диссертационные исследования фактически осуществлялись сразу по трем научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-правовые исторические науки; 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки и 5.1.4 – Уголовно-правовые науки. Сказанное в очередной раз свидетельствует о многоаспектности и значимости освещаемой темы.

Тогда же нами в двух частях была опубликована статья «Дела частного обвинения: вечное или уходящее?» [3; 4].

Насилие (причинение легкого вреда здоровью, побои) в воинских коллективах принято именовать «казарменным хулиганством» [5; 6]. Отдельные спорные вопросы по данной тематике нами были уже раскрыты в серии статей, опубликованных в 2024 г. в «Военно-юридическом журнале» [7–9]. Некоторые аспекты, свойственное «казарменному хулиганству», методом

включенного наблюдения автором изучены в период срочной службы в Советской Армии (1975–1977 гг.), а также при прохождении воинских сборов офицеров запаса.

Многие уникальные аспекты, свойственные домашнему, бытовому насилию, реакции на него общества и государства автору удалось познать в 2000 г. во время служебной командировки в Канаду (провинция Альберта). Помимо всего прочего, нами было изучено как само по себе домашнее, бытовое насилие (феномен в самом широком понимании этих терминов, без преувеличения, интернационального уровня), так и методы по его пресечению (точнее, минимизации), используемые, в первую очередь гражданским обществом, а также отдельными правоохранительными структурами (полиция, прокуратура). Особое внимание было уделено работе провинциального суда в г. Калгари и его функционированию в пунктах временной деятельности, включая резервации индейцев. Примечательно, что в Канаде до сих пор свято следуют заветам И. Бенгтама (1748–1832), согласно которым судебная деятельность должна быть организована таким образом, чтобы участники процесса на разрешение спора не тратили бы более одного светового дня [10]. Скажем больше, если люди (например, жертва и насильник), чтобы урегулировать конфликт из-за удаленности судебных объектов физически не могут прийти в суд, то суд (государственное учреждение) по графику сам приезжает к ним, даже если это резервация индейцев.

Особый интерес для нас представляет практика применения в Канаде института «judicial separation», в рамках которого жертвы насилия (как правило, женщина и ее дети) максимально оперативно физически изымаются из зоны конфликта с обязательным перемещением потерпевших в новую комфортную среду.

Анализируемая нами форма насилия, как правило, является разновидностью абьюзивных отношений, в рамках которых партнер (насильник), проявляя жестокость, не только нарушает личностные границы другого человека, но и с целью подавления воли жертвы причиняет ей легкий вред здоровью, наносит побои.

Примечателен и тот факт, что по целому ряду причин жертва таких отношений не в состоянии их прервать. В отношениях между жертвой (потерпевшим, ст. 42 УК РФ) и насильником (подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным, ст. 46–47 УК РФ) присутствуют не только рациональные, но и иррациональные. Иногда справедливо возникает вопрос: какое поведение в рамках абьюзивных отношений первично, а какое вторично [11]?

Наконец, об особой значимости анализируемых проблем свидетельствует также и тот факт, что 3 марта 2026 г. юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова провел III Всероссийскую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы российского уголовного процесса» по теме «Проблемы и перспективы уголовного преследования в порядке частного обвинения». Анализ результатов конференции нами будет осуществлен по мере их издания.

Поводом для текущей серии публикаций послужило изучение поучительного во всех отношениях стремительного развития уголовно-процессуальных отношений, обусловленных рядовой производственной ссорой двух женщин, которая вскоре, в силу целого комплекса обстоятельств, мгновенно переросла в обоюдную драку.

1. Обвинение частное и публичное

Наши вводные рассуждения продолжим тезисом о том, что все без исключения дела обвинения публичного родом из дел обвинения частного. Развитие общества шло по пути постепенного встраивания в частные отношения между людьми такой абстракции, как государство.

Как известно, Людовик XIV (1638–1715) любил повторять «L'Etat c'est moi» («Государство – это я»). Об исключительной включенности некоторых правителей в личные дела своих подданных часто говорили, что эти государственные деятели «на всех крестинах стремились быть крестными, на каждой свадьбе – женихом, а на любых похоронах – покойником». В каждом частном конфликте государи хотели бы побывать в обличье как предикатного насильника, так и самой скромной из жертв. Причина таких устремлений – глубокое убеждение монархов в том, что они не имеют права оставить своих подданных без внимания ни на минуту.

В текущий момент государство в лице своего аппарата (чиновников) также весьма скептически смотрит на способность граждан самостоятельно разбираться даже в самых простых семейных конфликтах.

В условиях современной России легальное существование человека практически немыслимо без наличия у него комплекса обязательных разрешительных документов, выдаваемых различными органами государственной власти по вопросам, казалось бы, сугубо личным: свидетельство о рождении, заключении, расторжении брака, о смерти, а также паспорта с указанием в нем юридического адреса и др.

В то же время по общему правилу отношения между людьми сначала регулируются нормами морали, и если их недостаточно, то и нормами права, источником которых в России преимущественно является нормативный правовой акт определенной юридической силы.

Возникает вопрос: а сохранились ли сферы человеческого общения, не урегулированные нормами права? Да, безусловно, между людьми существуют многочисленные отношения, в регламентации которых роль государства незначительна. В сфере именно таких отношений как раз-то и пребывает то, что мы называем семейным, бытовым насилием.

2. Семейное, бытовое насилие – непознанный феномен

Семейное, бытовое насилие – это до конца не изученный феномен. Нет достоверной статистики, характеризующей данное негативное явление.

Приведем официальные статистические данные за 2023 г. В районные суды первой инстанции для рассмотрения по существу всего поступило 520,7 тыс. уголовных дел, из которых дел частного обвинения в связи с отнесением к подсудности районных судов (ст. 116.1 УК РФ) всего 4,4 тыс. (0,8 %). Общее число уголовных дел, поступивших на рассмотрение к мировым судьям, составило 187,1 тыс., из них по составам частного обвинения (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ) – 5,2 тыс. (2,8 %). Приведенные цифры свидетельствуют, что в рамках общей подсудности дела частного обвинения – это капля в море [12].

Видимо, с учетом крайне малого объема дела названной категории в производстве судов с 2024 г. в официальных документах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации отдельной строкой не выделяются.

При подготовке статьи нами использовалась как официальная информация, опубликованная различными информационными агентствами (например, Агентством правовой информации, зарегистрированным Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство № ФС 77–63321), так и внутриведомственная (МВД, прокуратура, суд). Приведенные данные за 2023 г. на текущий момент заметной динамики не имеют.

Здесь и ниже (если не будет указано иное) предполагается анализ данных о судимости по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 115–117, 156 УК РФ (табл. 1).

Таблица 1

Анализ данных о судимости по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 115–117, 156 УК РФ, в 2024 г.

Статья	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условно	Ограничение свободы	Штраф	Исправительные работы	Обязательные работы	Принудительные меры медицинского воздействия
Всего	512 845	990	144 837	111 841	23 787	79 733	45 955	65 956	7 516
Ст. 115, ч. 1	1 356	116	0	0	2	697	186	376	30
Ст. 115, ч. 2	7 114	9	1 018	1 217	851	113	650	2 643	280
Ст. 116, ч. 1	22	0	2	1	0	0	8	10	1
Ст. 116, ч. 2	2	0	0	0	1	0	1	0	0
Ст. 116	370	4	27	27	41	5	49	178	28
Ст. 116.1, ч. 1.1	1 240	13	0	0	5	357	268	573	10
Ст. 116.1, ч. 2	5 120	4	0	0	3 686	58	751	523	24
Ст. 117, ч. 1	403	0	63	25	259	4	2	0	11
Ст. 117, ч. 2	402	2	174	217	0	1	5	1	11
Ст. 156	424	3	10	12	1	162	59	159	9

В таблице 2 приводятся неофициальные данные за 2025 г., полученные в рамках прокурорского надзора за дознанием по делам о преступлениях, пред-

усмотренных ч. 2 ст. 115, ст. 116.1 УК РФ. Отметим, что цифры ведомственной статистики существенных отличий от прочей информации не имеют.

Таблица 2

Сведения о движении уголовных дел, возбужденных по фактам выявления преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 115, ст. 116.1 УК РФ

Статья	Число преступлений	Темп снижения	Число расследованных дел	Темп снижения	Число потерпевших	Темп снижения
ч. 2 ст. 115 УК	24 930	– 13,5 %	19 847	– 14,7 %	23 645	– 13,5 %
ст. 116.1 УК	9 682	– 18,0 %	8957	– 19,2 %	8494	– 18,9 %

Для сравнения: по неофициальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2024 г. по ч. 1 ст. 115 УК РФ осуждено 1356 чел., оправдано – 116.

В то же время в 2023 г. по ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои» мировыми судьями были вынесены итоговые решения в отношении 26,7 тыс. лиц (73,8 % от общего числа лиц, в отношении которых дела были рассмотрены по составам правонарушений по гл. 6 КоАП РФ), из них наказанию подвергнуто 31 %, в том числе 91,9 % – к административному штрафу, 3,9 % приговорены к обязательным работам и только 4 % – к административному аресту [12].

В рамках приведенной статистики настораживает количество наказанных за побои (по-старому – осужденных). До 2016 г. данная цифра была в разы меньше, по крайней мере ее можно было сопоставить с числом осужденных за причинение легкого вреда здоровью. Рост числа наказанных (осужденных) за некриминальные ныне побои более чем в пять раз объясняется переводом этого состава из системы обвинения частного, в обвинение публичное. Государство – посредник в конфликте между жертвой и насильником в лице конкретных офицеров из системы МВД России, естественно, мирить никого не намерено. Не будем забывать, для рядовых исполнителей в первую очередь важен показатель! Скажем больше, по ст. 6.1.1 КоАП РФ исполнители, разрешая один и тот же конфликт, получают возможность поставить себе в отчет две «палочки», так как будет наказан не только предикатный насильник, но и предикатный потерпевший (реальная жертва), рискнувший оказать насильнику физическое сопротивление.

Далее проанализируем такой значимый для рассуждений элемент, как феномен, чтобы затем перейти к исследованию совокупности обязательных для судебной деятельности категорий «вера», «доверие», «veritas» (истина), «авторитет», «право», «государство», «эффективность» и «власть права государства и суда».

Наш современник французский философ А. Конт-Спонвиль отмечает, что «феномен – это не иллюзия, а воспринимаемая реальность (в отличие от «ноумена», по Платону, сущности, постигаемой только умом». Феномен – реальность для нас (в противоположность «вещи в себе» И. Канта. А. Конт-Спонвиль, ссылаясь на Ж.-П. Сартра, отмечает, что феномен «сам себя разоблачает, как есть, в абсолютном выражении, поскольку раскрывается в своей сущности. Фено-

мен относительно абсолютен, может быть изучен и описан» (введение в книгу «Бытие и ничто»). Далее в своих рассуждениях он ссылается сначала на философа М. Конша, сравнивавшего феномен с «чистой видимостью», а затем упоминает К. Россе, который на понятие «феномен» смотрел предельно просто, называя его «реальностью» [13, с. 659].

Согласно А. Конт-Спонвилю, наша (слепая/неслепая) «вера (foi) – убеждение, не подкрепленное никакими доказательствами, легко обходящееся без них, заменяя их волей, доверием или благодатью». При этом философ предупреждает всех исследователей: «верить – значит слепо подчиняться». «Всякая вера грешит самонадеянностью и отсутствием знания». В предисловии ко второму изданию книги «Критика чистого разума» И. Кант по этому поводу писал об ограничении знания, чтобы освободить место вере. На что А. Конт-Спонвиль ответил, что на протяжении последних 25 столетий ученые занимаются как раз обратным [13, с. 85–86].

Анализируя категории «вера», «доверие» применительно к историческому «знанию» и постисторическому «послезнанию», нельзя не упомянуть о категории «истин» – «точном соответствии между мыслимым и реальным» [13, с. 86].

Применительно к анализируемой совокупности проблем, связанных с делами частного и публичного обвинения, речь идет о том, во что мы (слепо/неслепо) верим – в декларируемую форму эффективности норм морали и права или в реальную их эффективность. При этом мы исходим из отрицания возможности существования такой категории, как «объективная истина». По нашему убеждению, любая истина всегда субъективна, ибо она (мгновение реальности в природе) всего лишь оценка реальности субъектом [14; 15] (участниками уголовного процесса, судом).

При этом мы разделяем позицию тех исследователей, которые считают, что вопросы, касающиеся правосудия вообще, его доктрины [16; 17], истории и текущей практики, а равно соответствующей им юридической техники, являются предметом современной судебной феноменологии [18].

3. «Насилие» в диалектике Г. В. Ф. Гегеля

Анализируемая нами тема насилия как правовой категории интересовала философов во все времена. По этому поводу Г. В. Ф. Гегель писал: «Наука о праве есть часть философии» [19, с. 60]. Скажем больше, в своем фундаментальном произведении «Философия права» основоположник диалектики к теме насилия

обращался не менее двадцати раз [19, с. 62, 106–107, 141–144, 155, 258, 301, 468]. Не о неизбежности отнесения насилия к категории феноменов свидетельствует суждение Гегеля о том, что таковое является производным от «диктуемого сердцем чувства, это и склонность, и произвол» [19, с. 62], ниже автор специально подчеркивает, что «философия не признает подобные авторитеты» [19, с. 62] (то есть чувства, склонности, произвол).

Наша позиция: насилие в первую очередь имеет биологическую, психологическую природу, впрочем, как и власть, право и государство. Право, основанное на насилии, Гегель именует «кулачным правом» [19, с. 62], что звучит довольно современно. При этом философ критикует разделение насилия по отношению к телу и душе. Его вывод: «Насилие, совершенное другими, над моим телом, есть насилие, совершенное надо мной» [19, с. 258]. Не будем забывать, что порой, истязая тело, мы только закаляем душу. Вспомним концепт «душа – страдает, тело – терпит» в призме суждений профессора И. М. Рагимова о нравственности наказания и социальной действительности [20].

Попытки разделить насилие над телом и душой не только не новы, но и не всем понятны [21]. Например, такая форма насилия, как лишение лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, права на долгосрочное свидание с членами семьи [22].

Анализируя насилие, Гегель отмечал, что данное явление, а равно принуждение неправомерны [19, с. 142]. В то же время мыслитель понимал, что «первичное принуждение снимается вторым принуждением, последнее необходимо, чтобы снять первое» [19, с. 142].

Современной криминологии хорошо известен такой вид насилия, как «ломка» личности осужденного. Пример такого противоправного явления – насилие со стороны осужденного Ф. по отношению к осужденному к пожизненному лишению свободы М. в СИЗО г. Владимира, завершившееся расправой потерпевшего с предикатным насильником [23]. Осужденный М. объявил голодовку. Администрация СИЗО отреагировала на это его перемещением в камеру № 26, в которой содержался осужденный Ф. Последний потребовал от М. отказаться от голодовки. Сделать это М. категорически отказался, тогда Ф. (предикатный насильник) связал и с 14:00 3 февраля 2017 г. до 7:30 4 февраля 2017 г. систематически наносил М. побои (ч. 1 ст. 117 УК РФ). М., понимая, что защиты ему ждать не от кого, совершил убийство предикатного насильника. Данные действия были квалифицированы как умышленное убийство (постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации Червоткина А. С. о передаче кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 13.12.2019 № 86-УДП19-7, а также кассационное определение Второго Кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2020 № 77-165/2020).

Отметим, что суждение Гегеля о том, что принуждение, включающее насилие, – оружие, которое

необходимо педагогу по отношению к нерадивому ученику [17, с. 142] (не будем забывать, что не только в тот период, но и до 1990-х гг. во многих учебных заведениях практиковались телесные наказания). На текущий момент данное утверждение философа является спорным. Любые формы насилия учителя по отношению к ученику недопустимы. Так, по приговору мирового судьи судебного участка № 10 Сахалинской области (Охинский район) от 18.07.2023 по ст. 156 УК РФ за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением, была осуждена учитель К., которая не только заставила «нерадивого» (по медицинским показаниям) ученика достать бумажку из-под стола, но и прижала его стулом (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2024 № 64-УД24-5-К9).

По правилам ювенальной юстиции, не только любое насилие родителя по отношению ребенку, но и психологическое принуждение – основание для изъятия последнего из семьи.

Как видим, общая тенденция такова – минимизация всех мыслимых форм не только физического, но и психологического насилия.

4. Насилие: оценка современного философа А. Конт-Спонвиля

По мнению А. Конт-Спонвиля, «насилие – это в первую очередь неумеренное применение силы» [13, с. 337]. При этом философ считает, что насилие бывает необходимым (умеренность не всегда возможна), однако оно никогда не бывает благом. Насилие всегда достойно сожаления» [13, с. 337]. Противоположность насилия – мягкость (не путать со слабостью). Отсюда вывод данного автора: «мягкость – добродетель, слабость – это слабость (противоположность силы), а насилие – вина (кроме случаев, когда оно необходимо и законно). Насилие над слабым – трусость, жестокость, зверство» [13, с. 337].

В то же время мы согласны с А. Конт-Спонвилем в том, что «не может быть абсолютного запрета на насилие над насильником, ибо такой запрет – не что иное, как попустительство варварам и бандитам» [13, с. 337].

Трудно оспорить и взвешенную оценку философа о непротивлении злу насилием. Ссылаясь на С. А. Вейль, А. Конт-Спонвиль констатирует: этот библейский подход «годится только тогда, когда он эффективен» [13, с. 337]. Рассматривая тенденцию «тяготения к милосердию», философ-прагматик в первую очередь подчеркивает, что институт непротивления злу требует «немало самообладания, смелости и ума, но также необходимо принимать во внимание и противника» [13, с. 337].

Также А. Конт-Спонвиль: 1) воспекает стоическое поведение Махатмы Ганди в рамках ненасильственного сопротивления англичанам (1921–1948 гг.); 2) гордится мужеством участников французского сопротивления в годы Второй мировой войны и делает разумный вывод: «насилие приемлемо только в тех случаях, когда его отсутствие еще хуже» [13, с. 337]. Итог рассуждений: во-первых, «насилие имеет право

на существование», проблема в том, чтобы его при-
менение «ограничить, ввести в строгие рамки, поста-
вить под контроль». Во-вторых, ссылаясь на М. Вебе-
ра, А. Конст-Спонвиль утверждает, что «для этого нам
нужно государство (армия, полиция, законы, суды,
тюрьмы)» [13, с. 337]. В-третьих, «на уровне граждан-
ского общества (совокупность индивидуумов, под-
чиненных одному высшему закону, единство вторых,
подчиненных единству первых – власти, в республике
первые и вторые тождественны) средством борьбы
с насилием является умение улаживать конфликты»
[13, с. 131]. Примечательно, что, в-четвертых, фило-
соф указывает, что для этого все же «нужны (полиция –
то есть государство), политика и вежливость» [13,
с. 337].

Как видим, Гегель и А. Конт-Спонвиль исследуе-
мые нами категории насилия, насильника, жертвы
насилия, неотъемлемого права жертвы на сопротив-
ление также путем насилия (самозащиту, самообо-
рону, необходимую самооборону) толкуют целостно
и конструктивно. Примерно таковы точки зрения и не-
которых наших признанных криминологов, например
академика В. Н. Кудрявцева [24, с. 65–67] и профес-
сора Э. Ф. Побегайло [25, с. 303–337].

Отметим, что перечисленные аспекты проблемы
насилия в целом нами были уже неоднократно осве-
щены [26; 27], исследования в данной области в кри-
минологии, уголовном праве и процессе продолжа-
ются.

*5. Реакция государства на домашнее насилие в Ан-
глии и России на рубеже XIX–XX вв. в сравнении с со-
ответствующей судебной практикой в России в конце
XX в.*

Рассмотрим подробнее проблему домашнего на-
силия и реакцию на него общества и государства в
Англии и России за последние 100 лет.

Профессор П. А. Люблинский [28] отмечал, что
«наиболее характерной особенностью английского
правового строя является полная замкнутость, изо-
лированность от публичного вмешательства семей-
ной жизни». Англичанин вправе заявить, что семья –
его царство. Государство не должно было вмеша-
ться в отношения главы семьи и его супруги, де-
тей [29, с. 278]. Фактически старое общее право как
минимум не запрещало мужу «учить жену». Приме-
нительно к России того периода П. А. Люблинский
признавал, что и наш «Домострой» также давал
мужу право «вежливенько учить жену», наказывать
детей.

Отметим, что до определенного времени в Англии
не было государственных органов, которым можно
было бы поручить подобное вмешательство в семей-
ные дела. Позднее таким органом стал полицейский
суд.

В Российской империи, как и в других странах Ев-
ропы, полиция и суд вторгаются в область семейной
жизни только в случае учиненных одним из супругов
по отношению к другому преступлений. В соответ-
ствии со ст. 239 Устава о предупреждении и пресе-
чении преступлений 1857 г. «полиция не должна вхо-
дить в частные споры и несогласия между супругами,
и только в случае преступления уголовного обязана

поступить по правилам, в законах судопроизводства
изложенных» [30, с. 150].

В гл. 3 Устава о ссорах, брани, драках побоях и
тому подобных проступках также находим: «Полиция
наблюдает: 1) чтобы ни от кого притеснений, обид и
побоев причинено не было и своевольства не произ-
ходило и чтобы каждый обращался с другим вежливо
и от грубостей ссор удалялся; 2) чтобы бранные и не-
потребные слова в общественном месте и при людях
благородных и женском поле отнюдь употребляемы
не были и чтобы крику, шума, драк и бесчинства ни-
где не происходило; 3) чтобы в маловажных случаях
проступков, всякое своевольство тотчас прекращено
было и ссорящиеся были примирены» (ст. 238). Зна-
чительное число ссылок на решения Сената в поста-
тейном материале к ст. 238 – яркое свидетельство о
востребованности этой нормы.

Подчеркнем тот факт, что ст. 241 Устава о преду-
преждении и пресечении преступлений воспрещала
противоборствующим сторонам «призывать на по-
мощь товарищей или созывать народ». Следовало
также пресекать попытки «разнять ссорящихся» (ст.
243), ибо это функция государства. Одновременно
полиции вменялось в обязанность оказывать потер-
певшим «вспоможение» (ст. 242).

Вариант такого вспоможения (сразу подчеркнем,
без излишнего вмешательства в личную жизнь су-
пругов) в «Инструкции чинам полиции» (1904 г.) про-
курор Московской судебной палаты Н. В. Муравьев,
конкретизируя ее действия по делам, подсудным
мировым судебным установлениям, с опорой на Указ
Правительствующего Сената от 13.04.1882 требовал:
всегда при обнаружении проступка (в том числе и в
случае наличия только подозрения в совершении
проступка), не теряя время, сразу же приступать к
производству дознания, о чем сообщать участковому
мировому судье вне зависимости от поступления жа-
лобы потерпевшего [31, с. 7–8].

Как видим, в данном регламенте прокурор демон-
стрирует «хватку» профессионала, для которого зна-
чимо не желание потерпевшего привлечь виновного
к ответственности, ибо сегодня такого желания у по-
следнего может быть и нет, но вдруг завтра оно поя-
вится, где тогда искать доказательства. Мы лишь ука-
жем, что обнаружение и закрепление доказательств
домашнего насилия не может быть отложено на потом,
так как доказательства могут быть не только утраче-
ны, но и сфальсифицированы сторонами конфликта.

Какова же была на рубеже XIX–XX вв. оценка ре-
зультатов домашнего скандала судом? Вероятност-
ный результат такого судебного разбирательства
П. И. Люблинский иллюстрирует цитатой из стихот-
ворения Пьера-Жана де Беранже: «Комиссар, Комис-
сар! Бьет Колен свою Колету! Ничего такого нету, –
ссора – вестница любви» [29, с. 279]. Максимум, что
тогда мог сделать английский судья, это постановить
акт о раздельном проживании супругов. Согласно За-
кону о защите замужних женщин 1895 г. супруга полу-
чила право требовать от суда заключить суженного в
тюрьму на срок до трех месяцев.

Рассматривая жалобу женщин на насилие, судьи
сначала выслушивали показания потерпевшей, за-

тем задавали несколько вопросов подсудимому, потом расспрашивали местного констебля, иногда беседовали с миссионером. Что дальше: тюрьма или акт о раздельном проживании супругов?

Редко женщины настаивали на помещении мужа в тюрьму, поскольку заключение, во-первых, резко ухудшало материальное положение членов семьи в целом, во-вторых, тюрьма не исправляла, а только лишь озлобляла супруга.

В случае присуждения акта о раздельном проживании супругов судья взыскивал с супруга в пользу жены вспомоществование – не более двух фунтов в неделю.

Естественно, что супруги имели право на обращение в Высший суд с иском о разводе. В процессе без адвоката минимальный размер судебных издержек в таком случае составлял в переводе на полноценные «царские червонцы» 300 руб., с участием адвоката – 750 руб. Процессуальному праву Англии того времени уже был известен институт полного освобождения бедных от судебных издержек, однако на практике он применялся крайне редко.

Несколько позже появился закон «О привычных пьяницах» 1898 г., практика применения акта о раздельном проживании супругов стала более либеральной: жене было достаточно доказать, что супруг в течение года не менее трех раз был судим за пьянство.

Спроецируем данную ситуацию на советское время. Каждую пятницу (приемный день) утром у кабинета уже стояли три-четыре женщины, готовые подать заявления о домашнем насилии. Общение с ними начиналось с выдачи потерпевшей направления на судебно-медицинскую экспертизу. Как правило, спустя неделю на повторный прием приходила лишь половина потерпевших, а то и меньше. Наличие у потерпевших на руках заключения судебно-медицинского эксперта позволяло составить соответствующее заявление о привлечении супруга за причинение телесных повреждений или побоев в порядке частного обвинения. Далее следовало рутинное советское социалистическое уголовно-процессуальное производство по делу, которое практически всегда завершалось примирением сторон.

Необходимо учитывать, что как в начале XX в. Англии, так и в конце этого же века в реформируемой РСФСР женщина, «посадившая» мужа в тюрьму, сразу же испытывала сильнейший удар по экономике семьи. Института раздельного проживания супругов в России никогда не было. Более того, подавляющее большинство привлекаемых к уголовной ответственности мужей стабильного официального заработка не имело.

Но сказанное не означает, что «домашние хулиганы» оставались безнаказанными. Если нельзя по закону, то можно по правилам негласного «милиейско-судейского прецедента». На семейные скандалы направлялись либо участковые уполномоченные милиции либо наряды патрульно-постовой службы, которые по шаблону составляли рапорта, из которых усматривалось, что конкретный мужчина не только сквернословил в общественном месте, но и совер-

шил действия, являющиеся элементами объективной стороны правонарушения, предусмотренного ст. 158 КоАП РСФСР 1984 г.

Между начальниками милиции и судьями существовало негласное соглашение: если семейный скандал был случайным, стороны шли на примирение, то начальники милиции наказывали буйных мужей своей властью – штрафовали по ст. 27 КоАП РСФСР. Если для дебошира требовалась «встряска», то административное дело (обычно его именовали материалом) направлялось в суд и постановлением судьи виновный в домашнем насилии подвергался административному аресту по ст. 32 КоАП РСФСР. Естественно, что и после административного ареста (по правилам КоАП РФ), и после отбытия уголовного наказания в местах лишения свободы домашний насильник возвращался обратно в семью, то же самое жилое помещение, зачастую в комнату в семейном общежитии.

б. Оценка домашнего насилия некоторыми зарубежными криминологами

В 2000 г. увидело свет третье издание учебника по криминологии под редакцией профессора Калифорнийского государственного университета Дж. Шелли. В нем подробно рассматриваются категории насилия вообще [32, с. 49, 141, 153, 204, 205, 222, 223, 242, 261, 327, 381, 387, 418, 488, 495, 559, 623, 640, 648, 650, 665, 671, 692], насилия физического [32, с. 228, 409, 567, 600], в том числе и понятий «домашнее насилие» [32, с. 97, 98, 568], «семейное насилие» [32, с. 253, 268] и «ответное насилие» [32, с. 242].

Анализируя законодательство, регламентирующее уголовную ответственность за домашнее насилие, авторы учебника подходят к данному вопросу более чем утилитарно.

Вспомним строки из стихотворения В. В. Маяковского «Небоскреб в разрезе» (1925): «Над очагом домашним высась, силы сберегши спортом смолоду, сэр своей законной миссис, узнав об измене, кровавит морду». По законодательству соответствующего штата данный вид насилия – дело частное. Более того, это насилие даже не преступление, а проступок. Сразу вспоминаем ст. 6.1.1 «Побои» КоАП РФ. Теперь если в России муж всего лишь «кровавит морду» – это тоже рядовое правонарушение (преступление до 3 июля 2016 г.). Однако в отличие от Америки, нанесение побоев дело теперь не частное, а публичное.

С 1990-х гг. и по сегодняшний день представители законодательного корпуса регулярно требуют от российских ученых помочь им сформулировать нормы права, которые, будучи воплощенными в соответствующие законы, гарантировали бы защиту женщины от домашнего насилия. В данном случае речь идет об утопии, поиске своего рода философского камня, явление которого волшебным образом, без вложения сил и средств, в один миг разрешит все проблемы. Наши ссылки на конкретный зарубежный опыт, согласно которому противостояние домашнему насилию дело в первую очередь гражданского общества, а только затем государства, представителей депутатского корпуса расстраивает, ибо речь заходит о немыслимом перемещении жертв домашнего насилия

в безопасную среду, то есть об отселении женщины и детей от насильника, для чего необходимы соответствующее благоустроенное жилье, одежда, продукты питания и др. Особо подчеркнем, что данные вопросы – компетенция не полиции, а организованной группы волонтеров. При этом общественность (в основном студенты юридических вузов) всегда исходит из того, что любую семью лучше сохранить.

Например, в г. Калгари (700 тыс. населения) «домашним насилием» занимаются всего четыре серванта (фактически диспетчеры), основная нагрузка по первичному урегулированию конфликтов, обусловленных домашним насилием, ложится на волонтеров. Поэтому зарубежные исследователи в первую очередь исследуют не столько само домашнее или семейное насилие, сколько пишут о том, как политики ищут соответствующий электорат, который позволит им отстоять законопроект по борьбе с домашним, семейным насилием [32, с. 97–98].

Дать адекватную оценку семейному насилию они не могут ввиду отсутствия надлежащей эмпирической базы.

Освещая проблему «семейного насилия, криминологи из США честно пишут, что данное понятие несет в себе внутреннее противоречие. С одной стороны, «семья – тихая гавань любви и заботы в кипящем беспокойном мире», с другой – результаты новейших исследований таковы: «семья один из самых насильственных институтов нашего общества». Имеющаяся в распоряжении криминологов эмпирическая база явно недостаточная, даже для элементарного прогнозирования ближайшего будущего [32, с. 268–269].

Исследуя проблемы ответного насилия предикатной жертвы по отношению к предикатному насильнику, зарубежные авторы отмечают, во-первых, что женщина, как правило, в домашнем, семейном конфликте априори виктимна, ибо в силу природы слабее мужчины. Поэтому нападающий на нее мужчина изначально должен смириться с тем, что «правовая коллизия будет разрешена за его счет, поскольку она вызвана не объективной причиной, а порождена исключительно его противоправной волей» [33]. При этом другие ученые предостерегают жертв домашнего насилия и их защитников от виджилантизма, когда ответные действия превосходят законные пределы оправданной самообороны [32, с. 241–242].

7. Особенности уголовно-процессуального доказывания по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116.1 УК РФ

Исторически сложилось, что отношение к делам об административных правонарушениях (как в народе в целом, так и в среде профессионалов в частности) не всегда серьезное. Да и само производство по таким делам в России кодифицировано сравнительно недавно: первый КоАП РФ принят только 20 июня 1984 г., всего за пять лет до распада СССР. До этого момента как основания наступления ответственности за административные правонарушения, так и порядок назначения соответствующего наказания (взыскания) регламентировались отдельными указами Президиумов Верховного Совета СССР и РСФСР.

Авторы первого КоАП РСФСР, а затем и их преемники – авторы КоАП РФ поставили перед собой

цель – защитить (гарантировать) права участников процесса в стадиях: 1) регистрации правонарушений; 2) привлечения лица к ответственности; 3) назначения ему наказания; 4) обжалования решений о наказании. Достижение указанной цели кодификаторы видели в постепенном сближении процессуальных регламентов КоАП РФ с апробированными временем положениями УПК РФ.

В конце второго десятилетия XXI в. в юридической литературе началось активное обсуждение третьего в истории современной России проекта КоАП РФ. Впрочем, дискуссия по вопросу о том, каким быть новому кодексу, вскоре затихла. Причина в следующем: часть административистов все еще убеждена: по правилам КоАП РФ человек может быть привлечен к ответственности только за такое малозначительное правонарушение, которое априори не соответствует требованиям ч. 1 ст. 14 УК РФ, то есть не является общественно опасным. В то же время другая часть представителей административной науки (например, Б. В. Россинский [34], Ю. П. Соловей [35]) права в том, что любое правонарушение (включая административное) уже само по себе представляет определенную степень общественной опасности.

Представители первого течения в административной науке считают, что речь идет максимум о «полицейском праве», в силу его модели производства, свойственные УПК РФ, при разрешении дела об административном правонарушении явно излишни. Другие административисты настаивают на сохранении необходимой процессуальной формы при рассмотрении дел по правилам КоАП РФ.

Свою позицию о значительном и малозначительном в материальном и, как следствие, в процессуальном праве мы уже высказали [36–39]. Признанный авторитет в сфере административного права профессор Ю. П. Соловей отмечает, что отрицание степени общественной опасности деяния, наказываемого по правилам КоАП РФ, недопустимо уже в силу того, что изначально подавляет у правоприменителей чувство ответственности за свою работу [35]. Мы полностью согласны с исследователями, ибо личные наблюдения автора таковы: отношение к делам об административных правонарушениях совсем не такое, как к делам уголовным.

Отрицание реальной значимости правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, чревато еще и тем, что вынесенное по делу о таком правонарушении постановление мирового судьи может иметь преюдициальное значение как в уголовном праве (ч. 1 ст. 116. УК РФ), так и уголовном процессе.

При проверке вышестоящими судами приговоров в отношении лиц, осужденных по ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, нередко выясняется, что имели место грубейшие нарушения прав участников процесса в стадиях: 1) принятия заявления о побоях, 2) проведения досудебной проверки органами полиции и 3) разрешения дела судом.

Сказанное означает, что сбор доказательств по уголовным делам о побоях (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ) начинается не с момента возбуждения уголовного дела (!),

а с момента принятия предикатного заявления о нанесении побоев по правилам КоАП РФ¹.

8. Суд в семейном конфликте – институализация ожиданий общества

Продолжая рассуждения о судебной власти (конкретных судебных инстанциях), вовлекаемой обществом и государством в дела частные в случае обращения жертвы домашнего насилия за помощью, констатируем, что анализируемая форма судебной власти – частный случай проявления власти вообще, еще точнее – одна из форм публичной, государственной власти. В этой связи судебная власть – метафизическая (то есть за рамками реальной физики) и историческая реальность, уникальные и в то же время закономерно возникающие *общественные отношения*, социальная природа которых заключается в потенциальной способности человечества, базируясь в своей деятельности на такие только ему одному свойственные социальные ценности, как мораль и право, посредством только одному ему ведомых средств, речи, символов и знаков мобилизовать свои ресурсы для разрешения определенных категорий социальных конфликтов.

Не будем также забывать о наличии у общества (в лице конкретных судей) права (возможности) не только принимать мудрые решения в процессе разрешения семейных конфликтов, но и добиваться путем неукоснительного следования нормам права (писаного/неписанного) обязательного их исполнения.

Таким образом, по делам частного обвинения судебная власть – это присущее социальной природе человека средство и одновременно необходимое условие функционирования высоко развитой социальной общности, а равно средство всеобщей связи (коммуникации), возникающее между высокоорганизованными людьми в процессе разрешения определенных категорий социальных конфликтов, символический посредник, обеспечивающий выполнение взаимных для граждан и государства обязательств на основе норм права.

Особо следует отметить, что судебная власть – это еще и институализация ожидания обществом (в первую очередь потерпевшими – жертвами) того, что возникшим социальным конфликтам, их разрешению в соответствии с законами и на их основе будет уделено достойное внимание. Судебная власть – это принятая определенной человеческой общностью процессуально-правовая парадигма поведения субъектов права при разрешении социальных конфликтов. Судебная власть, как известно, характеризуется многоаспектностью, сложностью и системностью [40–42].

Власть судебная (само понятие «власть» и его специальное расширение «судебная») – термин, нашедший самое широкое применение в ходе Великой судебной реформы 1864 г. В частности, ст. 1 Учреж-

дения судебных установлений от 20 ноября 1864 г. гласит: «Власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам, Правительствующему Сенату». Позже, в 1888 г., в рамках организации квазиправосудия фактически властью судебной в некоторых местностях были наделены земские участковые начальники. Согласно общему правилу (пусть и с определенными изъятиями) власть судебная распространялась на лиц всех сословий (ст. 2).

Сегодня судебная власть – это еще и особая государственно-правовая категория, в полном объеме признанная отечественной юридической наукой. Более того, судебная власть на конституционном уровне официально провозглашена одной из ветвей государственной власти (ст. 10 Конституции Российской Федерации).

Судебная система – материализованный как в нашем сознании, так и в материальном мире аппарат судебной власти, со всеми свойственными ему атрибутами. Дела частного обвинения в текущий момент по первой инстанции разрешаются в основном мировыми судьями, федеральными районными судьями, а также судами (порой только судьями единолично) в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях (то есть судьями Верховного Суда Российской Федерации).

Дела частного обвинения как уголовно-процессуальная категория неоднократно были предметом изучения Конституционного Суда Российской Федерации.

Первые промежуточные выводы

1. Насилие (только в принципе не опасное для жизни и здоровья потерпевшего) в семье, быту, трудовом коллективе – не что иное, как социально-правовой феномен, который все еще не получил надлежащей оценки ни в науке, ни в обществе в целом. Скажем больше, значительная часть общества допускает применение такого насилия в семье, в отношении соседей, в трудовых и воинских коллективах, учебных заведениях. Скажем еще больше, по мнению очень многих, такое насилие – морально.

2. Законодатель 3 июля 2016 г. совершил значимый медиальный поворот (фазовый переход), зафиксировав как в ст. 6.1.1 КоАП РФ, так и в ст. 116, 116.1 УК РФ регламент, согласно которому нанесенные впервые не квалифицированные побои преступлением не являются. Уголовная ответственность за такие побои наступает только в случае, если лицо: 1) ранее было наказано по правилам КоАП РФ за нанесение побоев; 2) имеет непогашенную судимость за насильственные преступления.

3. На наш взгляд, полная декриминализация не квалифицированных побоев ошибочна в силу того, что степень общественной опасности данного вида насилия (нанесение побоев) не уменьшилась.

4. С 3 июля 2016 г. деяния, предусмотренные ст. 6.1.1 КоАП РФ, из категории дел частного обвинения перешли в разряд дел публичного обвинения.

5. На наш взгляд, данный вид насилия (побои) – дело исключительно частное, публичное вмешательство в отношения в семье по возможности должно быть сведено к минимуму.

¹ См. подр.: Отзыв официального оппонента Н. А. Колоколова на диссертацию Малаховой А. Е. «Обвинительная деятельность по уголовным делам в досудебном производстве и в суде первой инстанции: теория и практика» (Москва, 2025, 250 с.), представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). Документ размещен на сайте диссертационного совета, отдельно не опубликован.

6. Для домашнего насилия характерны: 1) криминологический (в том числе криминогенный), 2) уголовно-правовой, 3) уголовно-процессуальный, 4) административно-правовой, 5) социально-культурный, 6) философский и прочие аспекты. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что российская криминология не спешит с честным и однозначным ответом на вопрос: побои – это преступление ли все же (уже) нет?

7. В России на законодательном уровне все-таки не рассматривалась возможность учреждения

известного в мире института раздельного проживания супругов, в рамках которого жертвы насилия (как правило, женщина и ее дети) максимально оперативно изымаются из зоны конфликта с обязательным перемещением потерпевших в новую комфортную среду.

8. Особый интерес представляет то обстоятельство, что общество не готово смириться с тем, что государство фактически установило мораторий на допустимость физического принуждения предикатного насильника в миру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колоколов Н. А. От ревности до stalking // Человек и закон. 2018. № 4. С. 26–37.
2. Колоколов Н. А. Дела частного обвинения : отзыв официального оппонента проф. Н. А. Колоколова на диссертацию Тохирзода Олимджона Тохир, представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Производство по уголовным делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации)» по специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки // Защити меня. 2024. № 1. С. 53–63.
3. Колоколов Н. А. Дела частного обвинения: вечное или уходящее? Статья первая: что думают о проблеме некоторые ученые. Статистика // Мировой судья. 2024. № 9. С. 2–10.
4. Колоколов Н. А. Дела частного обвинения: вечное или уходящее? Статья вторая: анализируем конкретную судебную практику // Мировой судья. 2024. № 9. С. 2–8.
5. Орлов В. Н. Казарменное хулиганство. Как с ним бороться? // Право в Вооруженных силах. 1997. № 4. С. 7–13.
6. Мацкевич И. М. Преступность военнослужащих: криминологические и социально-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 357 с.
7. Колоколов Н. А. «Казарменное хулиганство» (ст. 335 УК РФ). Статья 1. К истории и сути вопроса // Военно-юридический журнал. 2024. № 2. С. 7–13.
8. Колоколов Н. А. «Казарменное хулиганство» (ст. 335 УК РФ). Статья 2. «Неуставные отношения», анализ эволюции законодательства // Военно-юридический журнал. 2024. № 3. С. 14–19.
9. Колоколов Н. А. «Казарменное хулиганство» (ст. 335 УК РФ). Статья 3. «Неуставные отношения» в призмe «громких дел» // Военно-юридический журнал. 2024. № 5. С. 16–20.
10. Бантам И. О судоустройстве. М., 2022. 196 с.
11. Колоколов Н. А. Потерпевший: рациональное и иррациональное в статусе // Уголовное судопроизводство. 2024. № 2. С. 2–12.
12. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году. М., 2024. 119 с.
13. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М., 2012. 752 с.
14. Колоколов Н. А. Момент истины // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 118–141.
15. Колоколов Н. А. Уголовный процесс: чем обусловлен тернистый путь к истине // Российский правовой журнал. 2020. № 1 (2). С. 78–88.
16. Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации. М., 2022. 168 с.
17. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М., 2021. 344 с.
18. Колоколов Н. А. Правосудие в современной России: доктрина, текущая практика, юридическая техника // Правосудие в современной России : в 2 т. / под ред. Е. В. Михайловой. М., 2025. Т. 1. С. 119–158.
19. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. 524 с.
20. Колоколов Н. А. Концепт наказания: «Душа – страдает, тело – терпит» // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы междунар. науч.-практ. межведом. конф. (16–17 июня 2016 г.) / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара, 2016. С. 307–212.
21. Колоколов Н. А. Философия наказания: эволюция нравственности // История государства и права. 2016. № 10. С. 42–47.
22. Колоколов Н. А. Век секса не видать // ЭЖ-Юрист. 2016. № 22. С. 8.
23. Колоколов Н. А. Вынужденная самооборона в СИЗО. Кассационный суд пересмотрел фактические обстоятельства дела // Уголовный процесс. 2020. № 11. С. 84–89.
24. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. 352 с.
25. Побегайло Э. Ф. Проблемы необходимой обороны // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. проф. В. В. Лунеева. М., 2010. 779 с.
26. Колоколов Н. А. Общие начала необходимой обороны. Часть первая: вопросы теории, истории и практики, касающиеся применения норм Castle Doctrine (мой дом – моя крепость), Stand your ground (бежать не обязан), Affirmative defense (презумпция невиновности), Intruder culpability (априори виновен нападающий), Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского иска), а также концепции Duty to retreat (обязан бежать) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 120–132.
27. Колоколов Н. А. Отзыв на диссертацию Зуевой Юлии Владимировны на тему «Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника)» // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 159–167.
28. Люблинский П. И. Полицейские суды в Англии: по поводу реформы местного суда. М., 1911. 70 с.
29. Люблинский П. И. Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии. СПб., 1911. 715 с.

30. Свод законов Российской империи / под ред. А. А. Добровольского. Кн. 4. Т. XIV–XVI. 2-е изд. СПб., 1913. 1594 с.
31. Муравьев Н. В. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений. СПб., 1904. 70 с.
32. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб., 2003. 864 с.
33. Фристер Г. Уголовное право Германии. М., 2013. 712 с.
34. Россинский Б. В. Развитие системы государственного управления. Воспоминания и размышления административиста : моногр. М., 2025. 532 с.
35. Соловей Ю. П. К критике некоторых концептуальных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Актуальные проблемы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Омск, 2004. 349 с.
36. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (общая характеристика проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 21–31.
37. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (углубленный анализ проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 145–155.
38. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (особенности уголовного преследования лиц, подвергнутых административному наказанию за мелкое хищение) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 297–310.
39. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (системный анализ текущей официальной уголовной политики и противоречивой судебной практики) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 411–427.
40. Колоколов Н. А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М., 2005. 560 с.
41. Колоколов Н. А. О праве, суде и правосудии (избранное). М., 2006. 687 с.
42. Колоколов Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М., 2010. 400 с.

REFERENCES

1. Kolokolov N.A. From jealousy to stalking. *Chelovek i zakon = Man and Law*, 2018, no. 4, pp. 26–37. (In Russ.).
2. Kolokolov N.A. Review of Olimjon Tohir Tohirzoda's dissertation on the topic "Criminal proceedings of private prosecution (under the legislation of the republic of Tajikistan and the Russian Federation)". *Zashchiti menya = Protect Me*, 2024, no. 1, pp. 53–63. (In Russ.).
3. Kolokolov N.A. Private prosecution cases: eternal or outgoing? The first article: what do some scientists think about the problem? Statistics. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, 2024, no. 9, pp. 2–10. (In Russ.).
4. Kolokolov N.A. Private prosecution cases: eternal or outgoing? Article two: analyzing specific judicial practice. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, 2024, no. 9, pp. 2–8. (In Russ.).
5. Orlov V.N. Barrack hooliganism. How to deal with it? *Pravo v Vooruzhennykh silakh = Law in the Armed Forces*, 1997, no. 4, pp. 7–13. (In Russ.).
6. Matskevich I.M. *Prestupnost' voennosluzhashchikh: kriminologicheskie i sotsial'no-pravovye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminality of military personnel: criminological and socio-legal problems: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2000. 357 p.
7. Kolokolov N.A. "Barrack hooliganism" (Article 335 of the Criminal Code of the Russian Federation). Article 1. To the history and essence of the issue. *Voенно-yuridicheskiy zhurnal = Military-Law Journal*, 2024, no. 2, pp. 7–13. (In Russ.).
8. Kolokolov N.A. "Barrack hooliganism" (Article 335 of the Criminal Code of the Russian Federation). Article 2. "Non-statutory relations", an analysis of the evolution of legislation. *Voенно-yuridicheskiy zhurnal = Military-Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 14–19. (In Russ.).
9. Kolokolov N.A. "Barrack hooliganism" (Article 335 of the Criminal Code of the Russian Federation). Article 3. "Non-statutory relations" in the prism of "high-profile cases". *Voенно-yuridicheskiy zhurnal = Military-Law Journal*, 2024, no. 5, pp. 16–20. (In Russ.).
10. Bantam I. *O sudoustroistve* [On the judicial system]. Moscow, 2022. 196 p.
11. Kolokolov N.A. Victim: rational and irrational in status. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, 2024, no. 2, pp. 2–12. (In Russ.).
12. *Obzor sudebnoi statistiki o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei v 2023 godu* [Review of judicial statistics on the activities of federal general jurisdiction courts and magistrates in 2023]. Moscow, 2024. 119 p.
13. Comte-Sponville A. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, 2012. 752 p.
14. Kolokolov N.A. The moment of truth. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = Criminalist's Library. Scientific Journal*, 2012, no. 4 (5), pp. 118–141. (In Russ.).
15. Kolokolov N.A. Criminal procedure: what causes the thorny path to the truth. *Rossiiskii pravovoi zhurnal = Russian Law Journal*, 2020, no. 1 (2), pp. 78–88. (In Russ.).
16. Perevalov V.D. *Pravovaya doktrina: problemy formirovaniya i realizatsii* [Legal doctrine: problems of formation and implementation]. Moscow, 2022. 168 p.
17. *Sudebnye doktriny v rossiiskom prave: teoriya i praktika* [Judicial doctrines in Russian law: theory and practice]. Ed. by Lazarev V.V., Gadzhiev Kh.I. Moscow, 2021. 344 p.
18. Kolokolov N.A. Justice in modern Russia: doctrine, current practice, legal technique. *Pravosudie v sovremennoi Rossii: v 2 t. T. 1* [Justice in modern Russia: in 2 volumes. Volume 1]. Ed. by Mikhailova E.V. Moscow, 2025. Pp. 119–158. (In Russ.).
19. Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, 1990. 524 p.
20. Kolokolov N.A. The concept of punishment: "the soul suffers, the body endures". In: Votinov A.A. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. mezhdodom. konf. (16–17 iyunya 2016 g.)* [Penal system at the present stage: interaction of science and practice: materials of the international research-to-practice conference (June 16-17, 2016)]. Samara, 2016. Pp. 307–212. (In Russ.).

21. Kolokolov N.A. Philosophy of punishment: evolution of morality. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2016, no. 10, pp. 42–47. (In Russ.).
22. Kolokolov N.A. The century of sex is not to be seen. *EZH-Yurist = Lawyer*, 2016, no. 22, p. 8. (In Russ.).
23. Kolokolov N.A. Forced self-defense in a pre-trial detention center. The Court of Cassation reviewed the factual circumstances of the case. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2020, no. 11, pp. 84–89. (In Russ.).
24. Kudryavtsev V.N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* [Strategies for combating crime]. Moscow, 2003. 352 p.
25. Pobegailo E.F. Problems of necessary defense. In: *Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik ocherkov* [Criminal law. Actual problems of theory and practice: collection of essays]. Ed. by Professor Luneev V.V. Moscow, 2010. 779 p. (In Russ.).
26. Kolokolov N.A. General principles of necessary defense. Part one: questions of theory, history and practice regarding the application of the Castle Doctrine (my house is my fortress), Stand your ground (no obligation to run), Affirmative defense (presumption of innocence), Intruder culpability (the attacker is a priori guilty), Immunity from civil lawsuit (immunity from civil suit), as well as the concept of Duty to retreat (obliged to flee). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4, pp. 120–132. (In Russ.).
27. Kolokolov N.A. Review of the dissertation of Yuliya V. Zueva on the topic “Institution of self-defense under Russian law (doctrine, practice, technique)”. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 5, pp. 159–167. (In Russ.).
28. Lyublinskii P.I. *Politseiskie sudy v Anglii: po povodu reformy mestnogo suda* [Police courts in England: concerning the reform of the local court]. Moscow, 1911. 70 p.
29. Lyublinskii P.I. *Ocherki ugolovnogo suda i nakazaniya v sovremennoi Anglii* [Essays on criminal justice and punishment in modern England]. Saint Petersburg, 1911. 715 p.
30. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Kn. 4. T. XIV–XVI* [Code of Laws of the Russian Empire. Book 4. Volumes XIV–XVI]. Ed. by Dobrovolskii A.A. Saint Petersburg, 1913. 1 594 p.
31. Murav'ev N.V. *Instruktsiya chinam politzii po obnaruzheniyu i issledovaniyu prestuplenii* [Instructions to police officers on the detection and investigation of crimes]. Saint Petersburg, 1904. 70 p.
32. *Kriminologiya* [Criminology]. Ed. by J.F. Shelley. Saint Petersburg, 2003. 864 p.
33. Frister G. *Ugolovnoe pravo Germanii* [Criminal law of Germany]. Moscow, 2013. 712 p.
34. Rossinskii B.V. *Razvitie sistemy gosudarstvennogo upravleniya. Vospominaniya i razmyshleniya administrativista: monogr.* [Development of the public administration system. Memoirs and reflections of an administrativist: monograph]. Moscow, 2025. 532 p.
35. Solovei Yu.P. On the criticism of some conceptual provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. In: *Aktual'nye problemy primeneniya Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Actual problems of the application of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation]. Omsk, 2004. 349 p.
36. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (general description of the problem). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 21–31. (In Russ.).
37. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (in-depth analysis of the problem). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 145–155. (In Russ.).
38. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (features of criminal prosecution of persons subject to administrative punishment for petty theft). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 297–310. (In Russ.).
39. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (systematic analysis of current official criminal policy and controversial judicial practice). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 411–427. (In Russ.).
40. Kolokolov N.A. *Sudebnaya vlast': o sushchem fenomene v logose* [Judicial power: on the essence of the phenomenon in logos]. Moscow, 2005. 560 p.
41. Kolokolov N.A. *O prave, sude i pravosudii (izbrannoe)* [On law, court and justice (selected works)]. Moscow, 2006. 687 p.
42. Kolokolov N.A. *Sudebnaya vlast': ot lozunga k ponimaniyu real'nosti* [Judicial power: from the slogan to understanding reality]. Moscow, 2010. 400 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ – доктор юридических наук, профессор, судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке, заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия, профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

NIKITA A. KOLOKOLOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in Honorable Retirement, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of A.S. Griboyedov Moscow University, professor at the Department of Theory and History of Government and Law of the Institute of Social Studies and Humanities of Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила 08.12.2025